

КЛАССИКА И ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается
над своими противниками
подобно башне...
Это необыкновенная
личность, созданная
воображением писателя.

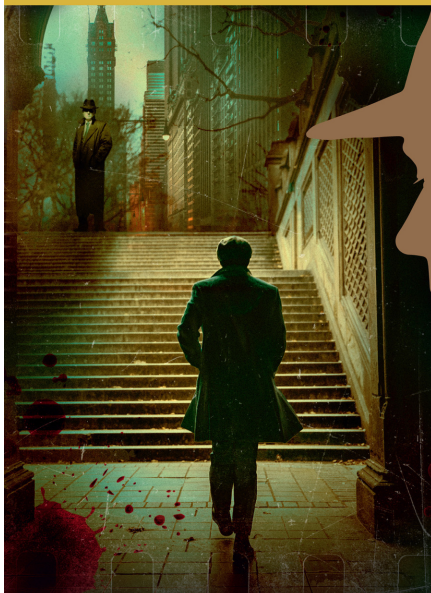
New Yorker

· ВСЕ РАССЛЕДОВАНИЯ НИРО ВУЛФА ·

РЕКС СТАУТ

Смерть
там еще
не побывала

Рекс Годхантер Стаут
Смерть там еще не побывала
Серия «Ниро Вульф», книга 12

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63107597
Рекс Стаут Смерть там еще не побывала:
ISBN 978-5-389-18920-1

Аннотация

Ниро Вульф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Рекс Стаут

Смерть там еще не побывала

Rex Stout

NOT QUITE DEAD ENOUGH

Copyright © 1944 by Rex Stout

This edition is published by arrangement with Curtis Brown

UK

and The Van Lear Agency

All rights reserved

КЛАССИКА

ДЕТЕКТИВА

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

Перевод с английского Никиты Вуля

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© Н. А. Вуль, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство Иностранка®

* * *

Глава 1

Наш самолет спланировал вниз, и в 13:20 его шасси коснулись бетонки, расположенной параллельно реке Потомак. Дело было в промозглый понедельник в самом начале марта.

Я не имел ни малейшего представления о том, что мне предстоит дальше. Меня могли оставить в Вашингтоне или с тем же успехом отправить на самолет до Детройта или в Африку. Именно поэтому я счел за лучшее оставить свой багаж в камере хранения при аэропорте, потом вышел наружу и поймал такси. Затем на протяжении двадцати минут я наблюдал за тем, как водитель продирается по улицам столицы, наводненным двумя миллионами госслужащих. Кто-то из них был одет в военную форму, кто-то был в гражданском, кто-то ехал на машине, кто-то передвигался пешком. Потом, переступив порог здания и предъявив документы, я был вынужден прождать еще двадцать минут. Наконец меня провели по лабиринту коридоров, доставив в итоге в просторную комнату с большущим столом.

Так впервые в своей жизни я предстал перед начальником разведки сухопутных войск США. Он был в форме, являлся обладателем двух подбородков и пары внимательных маленьких глаз. Я бы с огромным удовольствием пожал ему руку, но он лишь велел мне сесть, глянул на листок, лежавший поверх горы бумаг внушительных размеров, после чего

раздраженным голосом сухо сообщил, что меня зовут Арчи Гудвин.

Я уклончиво кивнул. Насколько я понимал, мне только что сообщили военную тайну.

– Что, черт возьми, происходит с Ниро Вулфом?! – ядовито осведомился он.

– Не понимаю, о чем вы, сэр. Он что, заболел?

– Вы проработали на него целых десять лет. Были его главным помощником по детективной работе. Это так?

– Все так, сэр. Совершенно верно. Однако за все это время мне так и не удалось выяснить, что с ним происходит. Впрочем, если хотите, я могу поделиться с вами парой версий...

– Должен признать, майор Гудвин, что вы весьма недурно расхлебали кашу, которую заварили в Джорджии.

– Благодарю вас, сэр. Так вот, возвращаясь к Ниро Вулфу...

– Я как раз сам собирался это сделать. – Он отодвинул бумаги в сторону. – Именно поэтому я и послал за вами. Он что, сумасшедший?

– Это одна из моих версий, – тщательно подбирая слова, отозвался я и положил ногу на ногу, но, вспомнив о своей нынешней должности, тут же сел прямо. – Не буду отрицать, что Ниро Вулф – выдающийся человек, но он способен довести любого до белого каления. Слово «помощник» не совсем четко описывает мою работу. Я был и ускорителем, и тормозом. Кстати, осмелюсь заметить, что мое прежнее жа-

лованье в три раза превышало нынешний оклад. Разумеется, если бы мне присвоили звание полковника...

– Вам давно дали майора?

– Три дня назад.

Он выругался. Коротко, но с большим чувством.

– Именно так, сэр, – согласился я.

В ответ он кивнул в знак того, что вопрос закрыт, и продолжил разговор о деле:

– Нам нужен Ниро Вулф. Нужен, пусть и без официального зачисления в штат. Не знаю, так ли он хорош, как о нем все говорят...

– Ему нет равных, – отозвался я. – Не люблю это признавать, но от правды никуда не денешься.

– Превосходно. По большому счету я слышал о нем именно такие отзывы. Так вот, он нам нужен, и мы пытались его заполучить. К нему наведывались и капитан Кросс, и полковник Райдер, но сам он отказался заехать к генералу Файфу. У меня на столе лежит рапорт о том...

– К Вулфу нужен особый подход, – осклабился я. – Пригласи его хоть император Китая, он бы все равно к нему не поехал. Сильно сомневаюсь, что он выходил из дому с тех пор, как я уехал, а ведь уже минуло два месяца. Самое ценное, что у него есть, – это его мозги. Хотите, чтобы он на вас работал, значит придется все доставлять ему прямо на дом: свидетелей, улики...

Начальник разведки нетерпеливо покачал головой:

– Именно это мы и пытались проделать. Не сработало. Полковник Райдер приехал к нему и предложил поработать над одним крайне важным делом, а он отказался наотрез. Судя по данным, что мы на него имеем, он не фашист и не пацифист. Так что с ним такое?

– Да ничего особенного. Он действительно не фашист и не пацифист. Возможно, он был просто в плохом настроении. У него вообще дурной нрав, а сейчас он вдобавок горюет из-за того, что меня нет рядом. Однако главная беда заключается в том, что люди, которых вы посылали к нему, не знают, как правильно с ним разговаривать.

– А вы, получается, знаете?

– Так точно, сэр.

– Тогда езжайте и поговорите с ним. Мы предлагаем ему постоянную занятость. Он нам нужен немедленно, срочно в связи с делом, подробности которого ему изложил полковник Райдер. Пока никто даже взяться толком не смог за эту задачку. Итак, сколько вам нужно времени?

– Сложно сказать. Все зависит от обстоятельств. – Я встал: пятки вместе, носки врозь. – Может, час, может, день, может, неделя, может, полмесяца. Мне придется, как и прежде, жить у него в доме. Лучше всего уговоры на него действуют поздним вечером.

– Превосходно. Как доберетесь до Нью-Йорка, позвоните полковнику Райдеру на Губернаторский остров. Ему же будете докладывать о своих успехах. Когда мистер Вулф будет

готов его принять, также свяжетесь с ним. – Он встал, протянул мне руку, и я ее пожал. – Не тратьте понапрасну ни минуты.

Меня проводили вниз, где в одной из комнат выдали билет на трехчасовой рейс до Нью-Йорка, а такси доставило меня в аэропорт. Времени у меня оставалось ровно на то, чтобы взвесить багаж и добежать до самолета.

Глава 2

Все места в самолете были заняты, пустовало лишь одно – у прохода в носовой части. Я кивнул попутчику, сидевшему рядом у иллюминатора. Моим соседом оказался очкарик с измученным лицом. Запихнув пальто и шляпу на багажную полку, я опустился в кресло. Минуту спустя самолет вырулил на взлетно-посадочную полосу, понесся вперед, трясясь всем корпусом, и наконец поднялся в воздух. В тот самый момент, когда я расстегнул ремень безопасности, на подлокотник моего кресла опустилась изящная женская рука. Остановившаяся передо мной блондинка наклонилась и обратилась к моему соседу-очкарику:

– Скажите, вы не поменяетесь со мной местами? Ну пожалуйста.

Я не хотел устраивать выяснение отношений при всех пассажирах, и потому мне ничего не оставалось, кроме как смириться с происходящим и выкарабкаться из своего кресла, чтобы пропустить соседа. Очкарик удалился, девушка опустилась на его место, а затем сел и я. Как раз вовремя, потому что самолет наклонился, совершая поворот.

– Эскамильо, милый, прошу тебя, не надо меня при всех целовать. Боже всемогущий, до чего же ты красив в этой форме!

– А я и не собирался тебя целовать, – холодно отозвался

я. – Ни при всех, ни наедине.

Ее голубые глаза были чуть прикрыты, а уголок рта слегка приподнят. С объективной точки зрения никаких претензий к внешности девушки быть не могло, однако беда в том, что в тогдашнем настроении я просто не мог воспринимать Лили Роуэн объективно. Я уже однажды где-то рассказывал, как свел с ней знакомство. Дело было возле забора, огораживавшего пастбище. История началась с того, что во время прогулки по пастбищу я повстречался с быком. К тому моменту, когда я добежал до забора, меня уже мало заботил мой внешний вид и чувство собственного достоинства. Так или иначе, мне удалось перебраться через забор. Свалившись с него, я кубарем прокатился ярдов десять, и в тот самый момент, когда я с трудом поднимался на ноги, девушка в желтой рубашке и брючках с ехидным видом захлопала в ладоши и с манерной медлительностью произнесла: «Превосходно, Эскамильо! Давай-ка еще разок!»

Это была Лили. Ну, мы познакомились, а дальше... Одно за другое... Несколько раз мы... Одним словом, наконец... Но сейчас...

Она сжала мою руку и произнесла:

– Эскамильо, милый...

Я посмотрел ей прямо в лицо и сказал:

– Слушай, я мог бы сейчас встать и попросить кого-нибудь из пассажиров поменяться со мной местами, но не делаю этого только по одной причине: я в форме, а служба в

армии обязывает вести себя с достоинством в общественных местах. Я прекрасно знаю, что ты способна вести себя как ненормальная. Я собираюсь читать газету.

С этими словами я развернул «Таймс». Она расхохоталась своим особым горловым смехом, который я некогда находил весьма привлекательным, после чего поудобнее устроилась в кресле, так чтобы ее рука касалась моей.

– Порой я начинаю жалеть, что три года назад ты все-таки убежал от быка. Знаешь, в тот день, когда я смотрела, как ты карабкаешься через забор, я даже и подумать не могла, что до такого докачусь. Ты не отвечал на мои письма и телеграммы. Я отправилась в Вашингтон, чтобы разузнать, где ты находишься, и потом поехать туда, где бы ты ни находился. И вот она я – прямо перед тобой. Я, Лили Роуэн! Эскамильо, посмотри на меня!

– Я читаю.

– Боже всемогущий, как же тебе идет форма! Ты в ней такой суровый, такой мужественный! Разве тебя не удивляет, что мне удалось разузнать, на каком рейсе ты летишь, и сесть на самолет раньше тебя? Правда, я умница? – (Я промолчал.) – Отвечай, когда тебя спрашивают! – На этот раз в ее голосе послышалась резкость.

Она была способна на все, что угодно.

– Да, – отозвался я, – ты умница.

– Спасибо. Кстати, у меня хватило ума догадаться, отчего ты на меня взбеленился. Я сказала тебе, что отказ Ирландии

предоставить союзникам морские и военно-воздушные базы – фальшивка. Мой отец приехал в Штаты из Ирландии и сколотил на строительстве канализации целых восемь миллионов долларов. Да, я ирландка, и ты это прекрасно знаешь, и вот теперь дуешься на меня из-за того, что я тебе соврала. И еще мне кажется, ты считаешь, что устал от меня. Я тебе надоела. Ну, что скажешь?

– Малышка, я теперь служу в армии, – произнес я, не отрывая глаз от газеты.

– Ну да, служишь. И что с того? Я отправила тебе сорок телеграмм, предлагала быть рядом с тобой и читать тебе вслух. Было дело или нет? Затем я подумала, что с тобой могло что-то стрястись, вдруг ты заболел или еще чего случилось, и поэтому целых три раза ездила к Ниро Вулфу узнать, есть ли от тебя хоть какая-то весточка. Кстати, что, черт возьми, с ним происходит?! Он отказывается меня принимать. И это притом, что я ему нравлюсь.

– Ты ему не нравишься. Ему вообще не нравятся женщины.

– Зато ему нравится, что я интересуюсь его орхидеями. Кроме того, я написала ему, что у меня для него есть дело и я заплачу за его услуги из своего кармана. Но он не пожелал поговорить со мной даже по телефону.

– Что за дело? – поднял я взгляд на Лили.

– Что, интересно? – Уголок ее рта пополз вверх.

– Пошла к черту!

– Будет тебе, Эскамильо. Неужели я для тебя совсем ничего не значу?

– Совсем ничего.

– Еще как значу! Мне нравится, как ты поводишь носом, когда чуешь работу. Речь идет о моей подруге... Ну, может быть, не о подруге, а просто о знакомой девушке по имени Энн Амори. Я за нее очень переживаю.

– Что-то не бросается в глаза, как ты переживаешь за девушку по имени Энн Амори. Насколько я тебя знаю, ты способна переживать только за саму себя.

– Узнаю Арчи, – погладила меня Лили по руке. – Ну да, мне нужен был повод повидаться с Ниро Вулфом, а Энн попала в беду. На самом деле ей просто был нужен совет. Она кое-что кое о чем узнала и хотела понять, что ей теперь с этим делать.

– Так что она конкретно узнала и о ком именно узнала?

– Я не в курсе. Она мне не сказала. Когда-то ее отец работал на моего отца, а когда помер, я стала ей помогать. Сейчас она работает в Национальной лиге по разведению птиц и получает тридцать долларов в неделю. – Лили передернула плечами. – Господи боже, только подумать – тридцать долларов в неделю! Да хоть в неделю, хоть в день, какая разница! Все равно на это не проживешь. Так вот, в один прекрасный день она приехала ко мне и попросила меня посоветовать адвоката. Кстати сказать, была она при этом очень расстроена. Что именно у нее стряслось, она говорить не стала, ска-

зала только, что узнала кое о ком нечто совершенно ужасное. Насколько я понимаю по нескольким случайно оброненным фразам, речь шла о ее женихе. Вот я и решила, что Ниро Вулф будет ей куда полезнее любого адвоката.

– И он тебя не принял?

– Нет.

– Энн упоминала чьи-нибудь имена?

– Нет.

– Где она живет?

– В центре, недалеко от тебя: Барнум-стрит, дом триста шестнадцать.

– А кто ее жених?

– Да не знаю я. – Лили снова погладила меня по руке. – Слушай, мужественный вояка, скажи-ка, где мы с тобой сегодня пообедаем? Может, у меня?

– Теперь я служу в армии и при исполнении, – покачал я головой. – Кроме того, твои слова о базах в Ирландии – диверсия чистой воды. И вообще, мне кажется, ты работаешь на ирландскую разведку. Вынужден признать: ты совершенно неотразима! Однако мне нельзя забывать о собственной чести. Еще давно, помнишь, в палатке, в которой располагалась методистская церковь, я предупредил тебя, что мой духовный мир...

Она перебила меня, я – ее, и пошло-поехало. Так мы провели целый час, пока самолет наконец не сел в аэропорту Ла-Гардия. Бросить ее прямо там я не мог. Из соображений

приличия я предложил взять такси на двоих. Вместе мы добрались до Манхэттена, и там, у «Рица», где она жила и где, как я знал, она не станет устраивать мне скандал, я вместе с багажом перебрался в другое такси, велев водителю ехать к Вулфу на Тридцать пятую улицу.

Несмотря на встречу с Лили, настроение у меня было хорошим. Проехав по центру города и свернув на запад, я с удивлением поймал себя на том, что, по моим ощущениям, я отсутствовал куда больше чем два месяца. С радостью узнавания я смотрел на дома и магазины, словно был их владельцем, хотя раньше не удостаивал их и взглядом. Я счел за лучшее не отправлять телеграмму с известием о своем возвращении. Хотел сделать сюрприз. Признаться, мне страшно хотелось снова повидаться с Теодором, возящимся с орхидеями в оранжерее, с Фрицем, помешивающим на кухне варево в кастрюлях и снимающим пробу, с Ниро Вулфом, сидящим за столом и хмуро разглядывающим атлас или, ворча, почи-тывающим книгу. Нет, пожалуй, Ниро Вулфа в кабинете я не застаю. До шести вечера он в оранжерее с Теодором, так что, когда я приеду, они будут именно там. Зайду на кухню, поздороваюсь с Фрицем, а потом проскользну к себе в комнату и буду ждать шум лифта, на котором Ниро Вулф всегда спускается в кабинет.

Глава 3

Дома меня ждало самое сильное потрясение в жизни.

Я отпер дверь своим ключом, который по-прежнему оставался у меня на брелоке, оставил вещи в прихожей, после чего зашел в кабинет и замер, не в силах поверить собственным глазам. На столе Вулфа громоздились кучи нераспечатанных писем. Я подошел поближе и увидел, что его стол, как и мой, покрыт чуть ли не десятилетним слоем пыли. Я повернулся к двери и поймал себя на том, что нервно сглатываю. Кто-то умер: либо Фриц, либо Вулф. Вопрос только: кто из них двоих? Я кинулся на кухню. Представшее передо мной зрелище свидетельствовало о том, что ни одного из них не было в живых. Иного объяснения у меня не имелось. Ряды горшков, кастрюль, сковородок и баночек со специями также были покрыты слоем пыли.

Я снова сглотнул и рывком открыл дверцу шкафа. Внутри ни черта не было, если не считать тарелку с апельсинами и шесть коробок с черносливом. Я заглянул в холодильник, и увиденное окончательно меня добило. Я обнаружил лишь четыре пучка салата, четыре помидора и тарелку с яблочным пюре. Пулей вылетев из кухни, я кинулся вверх по лестнице.

Две комнаты – одна Вулфа и другая, свободная, – располагались на втором этаже. Они пустовали, но мебель была на месте и выглядела как обычно. Ту же самую картину я об-

наружил в комнатах этажом выше, одна из которых принадлежала мне. Я поднялся выше, в оранжерею. В четырех помещениях я не увидел ничего особенного, за исключением сотен орхидей, многие из которых цвели. В секции с рассадой я наконец натолкнулся на признаки человеческой жизни. Говоря конкретнее, там я увидел Теодора Хорстмана. Он сидел за столом на табурете и корпел над журналом растениеводства, ведение которого прежде входило в круг моих обязанностей.

– Где Вулф? Где Фриц? Что, черт возьми, здесь происходит?!

Теодор дописал слово, промокнул чернила, повернулся ко мне на стуле и проскрипел:

– А-а, это ты, Арчи. Привет. Их сейчас нет. Они упражняются. Только называют эти упражнения тренировками. Тренируются они сейчас. Вот.

– С ними все в порядке? Они живы?

– Ну конечно живы. Они тренируют.

– Кого тренируют?

– Друг друга. Или, если точнее, самих себя. Они собрались вступить в армию, хотят сражаться. А я здесь останусь. Буду за сторожа, пригляжу за домом. Мистер Вулф собирался избавиться от орхидей, но я отговорил его, пообещал, что сам о них позабочусь. Теперь мистера Вулфа орхидеи не интересуют, он поднимается сюда только для того, чтобы хорошенько пропотеть. Ему нужно постоянно потеть, чтобы

сбросить лишний вес. Кроме того, ему надо развивать выносливость. Вот поэтому они с Фрицем отправляются за реку и занимаются там ходьбой. На следующей неделе они собирались переходить на бег. Мистер Вулф сел на диету и перестал пить пиво. На прошлой неделе он простыл, но сейчас уже поправился. Теперь он не покупает ни хлеба, ни сливок, ни масла, ни сахара. Он вообще много чего перестал покупать. Мясо мне приходится покупать себе самому.

– Где они тренируются?

– Прямо за рекой. Мистер Вулф выбил у властей разрешение тренироваться на пирсе, потому что на улице его дразнили мальчишки. Тренировки с семи до девяти по утрам и с четырех до шести по вечерам. Мистер Вулф на редкость упорен. Все остальное время он ходит вверх-вниз по лестнице и потеет. Он не особенно разговорчив, но я слышал, как он обмолвился Фрицу, что если каждый из двух миллионов американцев убьет по десять немцев...

Мне до смерти надоел скрипучий голос Теодора. Оставив его в оранжерее, я спустился назад в кабинет, взял тряпку, протер свой стол и кресло, сел, закинув повыше ноги, и, нахмурившись, уставился на груды писем, громоздившиеся на столе Вулфа.

Господи боже, приехал домой, называется! Когда я уезжал и бросал его, надо было догадаться, что с ним может приключиться нечто подобное. И вот теперь положение не просто ужасное, оно вполне может оказаться безнадежным. Жир-

ный олух! Самодовольный толстобрюхий дурак! И я еще сказал генералу, что знаю, как с ним правильно общаться. И что теперь прикажете делать?

В 17:50 я услышал, как хлопнула входная дверь. Из прихожей донеслись звуки шагов, и мгновение спустя на пороге возник Ниро Вулф. За его спиной стоял Фриц.

– А ты что здесь делаешь? – пророкотал Вулф.

Пока жив, буду помнить эту картину. Я потерял дар речи. Вулф вроде бы не стал меньше, однако будто сдулся. Брюки на нем были прежние, старые, из голубой саржи. А вот ботинки, грубые, армейские, я видел на нем впервые. Свитер был мой, темно-бордовый, который я купил однажды для похода с палатками. Несмотря на то что габариты Вулфа выглядели чуть скромнее, чем прежде, свитер на нем был растянут до такой степени, что сквозь его дырочки проглядывала желтая рубашка.

– Заходите, заходите. – Сам не знаю, как у меня это сорвалось с языка.

– Я решил отойти от дел, – произнес Вулф, после чего они с Фрицем повернулись и отправились на кухню.

Некоторое время я молча сидел и, нахмурившись, кривил губы, прислушиваясь к звукам, доносившимся из кухни. Наконец я встал и шаркающей ленивой походкой побрел вслед за Вулфом и Фрицем. Насколько можно было судить, Вулф решил забросить не только кабинет, но и столовую. Они с Фрицем сидели за маленьким столиком у окна и жевали чер-

нослив. На столике также красовалась миска с листьями салата и помидорами. Похоже, этим и должна была ограничиться трапеза – ни мяса, ни нормального гарнира нигде не было видно. Я прислонился к длинному столу, кинул взгляд на трапезничавших и выдавил улыбку.

– Решили устроить эксперимент? – любезно поинтересовался я.

Сплюнув сливовую косточку в ложку, Вулф отправил ее в тарелку. Всем своим видом он пытался продемонстрировать, что не обращает на меня внимания, и все же при этом смотрел на меня.

– Давно тебе дали майора? – сурово осведомился он.

– Три дня назад. – Я не мог оторвать от него взгляд, никак не мог поверить своим глазам. – Меня повысили исключительно благодаря моим изысканным манерам за столом. Теодор сказал, что вы собираетесь податься на службу в армию. Позвольте полюбопытствовать, в каком именно качестве?

Вулф отправил в рот еще одну сливу. Сплюнув косточку, он удостоил меня ответом:

– В качестве солдата.

– Хотите сказать, вот так сразу вперед шагом марш? И где собираетесь служить? В десанте? Коммандос? Может, вы будете водить джип?

– Довольно, Арчи! – резко произнес он и, сурово посмотрев на меня, отложил ложку. – Пойду убивать немцев. Мало их я уложил в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Не

знаю, зачем ты сюда явился. Полагаю, тебе дали увольнительную перед отправкой за океан... Мне жаль, что ты ко мне зашел. Я прекрасно осведомлен о своих физических недостатках, над которыми мне надо работать, и не стану терпеть твоих ехидных замечаний. Я знаю о них куда лучше тебя. Жаль, что ты зашел, поскольку мне пришлось внести значительные изменения в мою привычную жизнь, и с тобой мое нынешнее существование станет тем более невыносимым. Поздравляю тебя с повышением. Если ты хочешь остаться на ужин...

– Нет, спасибо, – вежливо ответил я. – У меня сегодня ужин совмещен со свиданием. Впрочем, если не возражаете, я заночую у себя в комнате. Постараюсь вам не досаждать...

– Мы с Фрицем отправляемся спать ровно в девять.

– Ладно, сниму обувь в прихожей, чтобы не топтать. Премного благодарен за откормленного теленка¹. Прошу меня извинить за то, что вытер пыль со своего стола и кресла, – не хотелось испачкать форму. Увольнительную мне дали на две недели.

– Надеюсь, Арчи, ты поймешь...

Я не стал его дальше слушать. Еще пара секунд – и я просто бы не сдержался и сорвался.

¹ Арчи Гудвин намекает на библейскую притчу о блудном сыне. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Глава 4

Зайдя на углу в ресторанчик «У Сэма», я первым делом направился к телефонной будке. Оттуда я позвонил на Губернаторский остров полковнику Райдеру и сообщил, что приступил к выполнению задания, после чего сел за стол, заказав себе тарелку тушеного мяса и два стакана молока.

Я ел и одновременно размышлял над сложившимся положением. Оно представлялось мне не просто сложным, а безвыходным. Причины произошедшего были мне ясней ясно-го: Вулф просто-напросто решил на некоторое время отключить мозг. Не стоит надеяться, что в ближайшее время он решит задействовать его и подумать, ведь это, с его точки зрения, являлось работой, а вот сидеть на диете, заниматься каждый день ходьбой на открытом воздухе, готовиться к отправке на фронт, чтобы убивать немцев, – это же совсем другое дело, это же геройство! Вулф слишком далеко зашел, так что, учитывая его ослиное упрямство, его теперь уже не заставишь свернуть с намеченного пути. Гиблое дело! Поломав голову над задачей, я был уже готов отправиться на Губернаторский остров, однако не стал этого делать по двум причинам. Во-первых, я заверил генерала, что знаю, как правильно общаться с Вулфом, а во-вторых, у меня создалось впечатление, что если я не остановлю шефа, то он в конце концов непременно себя угробит. Боже, как же я хотел, что-

бы у Вулфа сейчас работала хотя бы одна клеточка его мозга! Увы, все мои надежды были тщетными.

Может, стоит обратиться к кому-нибудь за помощью? Например, к Марко Вукчичу, или Реймонду Плену, или Льюису Хьюитту, или даже к инспектору Кремеру. Нет, толку от этого не будет никакого. Поскольку Вулф отказывался думать, любое обращение со стороны окажет противоположное действие, и он заупрямится еще больше. Спасти положение сможет лишь один-единственный фокус: нужно каким-то образом заставить его снова задействовать мозг. По своему опыту я уже знал, сколь тяжелая это задача, даже когда Вулф пребывает в своем обычном состоянии, а ведь сейчас положение куда хуже. Кроме того, у меня были связаны руки. Я отсутствовал целых два месяца и потому понятия не имел, кто наведывался или пытался наведаться к нам в контору. Быть может, какие-нибудь головоломные преступления, совершенные в недавнем прошлом, и смогли бы привлечь внимание Вулфа, однако беда в том, что из-за отлучки я тоже о них не знал.

Наконец мне в голову пришла одна идея. Расплатившись за ужин, я зашел в телефонную будку и позвонил инспектору Кремеру.

– Я думал, ты в армии, – сказал он.

Я ответил, что тоже так думал, после чего спросил:

– Есть ли у вас сейчас какое-нибудь занятное дельце? Убийство, там, или ограбление. Может, человек пропал и его

надо найти?

Все впустую. Либо у инспектора действительно в тот момент не имелось интересных дел, либо он не хотел мне о них говорить. Я вышел на улицу и застыл на тротуаре, хмуро разглядывая таксиста, сидевшего в припаркованной рядом машине. Стояла холодная, чертовски холодная погода для середины марта, в воздухе порхали снежинки, а теплого пальто у меня не было. И тут мне в голову пришла одна мысль. Надежда, конечно, слабая, но ведь делать мне все равно нечего. Я сел в такси и велел шоферу доставить меня к дому 316 по Барнум-стрит. По сути дела, это даже надеждой толком назвать было нельзя – так, попытка что-то нащупать в крошечном мраке.

Ничто во внешнем виде здания не говорило о сущем паноптикуме, который обитал внутри его. Передо мной был совершенно заурядный четырехэтажный кирпичный дом, сродни тем, что когда-то были особняками, принадлежавшими одной семье. Потом, примерно в те времена, когда я появился на свет, такие здания были переделаны в многоквартирные дома, а в бывшем вестибюле теперь красовались почтовые ящики и кнопки звонков. На табличке под одним из звонков значилось: «Перл О. Чак», а чуть ниже буквами поменьше было выбито: «Амори». Я нажал на кнопку, дождался щелчка замка, открыл дверь и пошел по холлу. Неожиданно где-то в его конце распахнулась одна из дверей, и на пороге возникла старуха. Если не считать шевелюры и кожи,

весу в ней было никак не больше двадцати фунтов. Спутанные пряди седых волос напоминали кружево, служившее обрамлением пронзительных черных глаз, которые, казалось, способны были видеть насквозь. Мне даже в голову не пришло усомниться в слабости ее зрения. Я направился прямо к старухе, которая, не успев толком приблизиться, прогавкала:

– Чего надо?

– Мне бы хотелось повидаться... – начал я, выдавив из себя улыбку.

Договорить мне не дали.

– Это она тебя подслала! Она, знаю! И не отнекивайся! Я всегда ее подозревала. Она любит иногда так фокусничать. Выходит и звонит в звонок. Думает, я не соображу, что это она. Хочет сказать, что думает, мол, это я убила ее мать. Я-то знаю, чего ей надо! Если она мне это скажет хотя бы раз, хотя бы один-единственный раз, я ее в тюрьму посажу! Так ей и передай! Давай иди наверх и передай! Живо!

Старуха подалась назад, собираясь закрыть дверь, но я уже поставил ногу на порог:

– Одну секундочку, сударыня. Я непременно схожу наверх и передам ей все, что вы попросите. Только скажите, о ком именно вы говорите? О мисс Амори? Энн Амори?

– Энн? Ты о моей внучке? – В меня впились черные глаза, смотревшие сквозь белое кружево седых волос. – Ясное дело, я говорю не о ней. Нечего из меня дуру делать...

– Ну что вы, миссис Чак, поверьте, вы меня неправильно поняли. Я хочу повидаться с вашей внучкой, только и всего. Мне бы хотелось поговорить с Энн. Позвольте узнать, она...

– Врешь ты все! – отрезала старуха и захлопнула дверь.

Я бы вполне мог этому воспрепятствовать, не убрав с порога ногу, однако решил, что в данных обстоятельствах подобная линия поведения будет не совсем верной. Кроме того, откуда-то с верхних этажей донесся шум. Сразу же после того, как старуха хлопнула дверью, я услышал звук шагов. Кто-то спускался вниз по ступенькам. В тот самый момент, когда я подошел к лестнице, на одной из последних ступенек уже стоял молодой человек. Судя по его виду, он собирался что-то сказать, но при взгляде на мою форму с удивлением выдал:

– Ух ты, пехота?! А я-то ожидал... – Он замолчал и принялся меня разглядывать.

Одет парень был небрежно, и будь освещение поярче, вполне могло выясниться, что его наряд нуждается в стирке, однако во всем остальном он выглядел так, что довольно органично смотрелся бы на фотографии футбольной команды.

– Я сейчас в увольнении, – пояснил я. – А кого вы ожидали увидеть? Матроса?

– Просто-напросто я не ожидал увидеть пехотного офицера, – рассмеялся он. – Где угодно, но только не здесь. Я услышал, как вы спрашиваете о мисс Амори, и очень удивился. Я и не подозревал, что среди ее знакомых есть хоть

один пехотный офицер.

– А вы с ней знакомы?

– Конечно знаком. Я же здесь живу. Двумя пролетами выше. Меня зовут Леон Фьюри. – Он протянул мне руку.

– А меня – Арчи Гудвин. – (Мы пожали руки.) – Вы, случайно, не в курсе – мисс Амори дома?

– Она наверху, на крыше. – Леон повел меня по лестнице вверх. – А вы, часом, не тот самый Арчи Гудвин, который работает у Ниро Вулфа?

– Работал когда-то, до армии. А что мисс Амори делает на...

– Кто там, Леон? Веди его сюда, – донесся голос откуда-то сверху.

Голос был с хрипотцой, из той когорты голосов, которые слышишь и никак не можешь понять: мужчина это говорит или женщина. Молодой человек резко поднял подбородок, чтобы кинуть взгляд вверх, после чего повернулся ко мне и улыбнулся. Вполне вероятно, он считал эту улыбку располагающей или даже чарующей. Девять из десяти посетительниц женского клуба непременно отдали бы за него голос. Подавшись ко мне, Леон тихо проговорил:

– Надеюсь, вы в курсе, что находитесь в дурдоме? Мой вам совет: бегите отсюда. Я передам мисс Амори...

– Леон, – снова раздался сверху голос, – веди его сюда!

– Мне бы хотелось повидать мисс Амори прямо сейчас, – отозвался я и собрался было обойти Леона, но он с мужским

шармом пожал плечами и начал подниматься по лестнице. Я последовал за ним.

В холле, одним лестничным пролетом выше, мы увидели обладательницу голоса, стоявшую у открытой двери. Она была одета в коричневое шерстяное платье, судя по виду, еще помнившее инаугурацию Уильяма Маккинли², так что вопрос о том, мужчина передо мной или женщина, был решен. При этом, несмотря на платье, свидетельствовавшее о том, что передо мной представительница слабого пола, дама была столь крепко сбита, что вполне могла играть с Леоном в одной футбольной команде. Кроме того, выправкой она куда больше походила на солдата, нежели я.

– Это еще что? – сурово спросила она, когда мы приблизились к ней. – Я вас не знаю. Зайдите.

Леон заговорил с дамой, называя ее «мисс Лидс». Он сообщил ей, что меня зовут Арчи Гудвин, что я бывший помощник Ниро Вулфа, а теперь служу в чине майора в армии США. Услышала ли она все это, я не знаю: повернувшись к нам спиной, она шла по квартире, ни на мгновение не усомнившись в том, что мы неотступно следуем за ней. Так оно на самом деле и было. Мы оказались в большой комнате, загроможденной мебелью, по всей вероятности помнившей времена детства все того же Уильяма Маккинли. Я сел, поскольку именно это от меня не терпящим возражений го-

² Уильям Маккинли (1843–1901) вступил в должность президента США 4 марта 1897 г.

лосом потребовала дама, и окинул взглядом комнату, больше напоминавшую музей. Завершающим штрихом являлся стол с мраморной столешницей в центре комнаты. На нем не было ничего, кромедохлого ястреба, безжизненно раскинувшего крылья. Я говорю не о чучеле. Это был простодохлый ястреб, и точка. Похоже, я на него уставился во все глаза, поскольку дама пояснила:

– Он их убивает ради меня.

– Вы таксидермист, мисс Лидс? – вежливо поинтересовался я.

– Да нет, просто она любит голубей, – поучительным тоном произнес Леон. Он устроился на табурете для рояля, сиденье которого было обито бархатом. – На Манхэттене живет семьдесят тысяч голубей и около девяноста ястребов, а они убивают голубей. И ястребов становится все больше. Они живут в карнизах домов. Я убиваю их ради мисс Лидс. Вот этого я добыл...

– Это не ваше дело! – резко бросила мне мисс Лидс. – Я слышала, как вы говорили с миссис Чак, и потому знаю, что вы ищете Энн Амори. Я хочу, чтобы вы сразу поняли: ни о каком расследовании смерти моей матери не может идти и речи. Я этого не желаю. В этом нет необходимости. Миссис Чак ненормальная. Злая, сумасшедшая старуха. Она всем рассказывает, что, мол, я думаю, будто это она убила мою мать, но на самом деле это не так. Я вообще считаю, что мою мать никто не убивал. Она просто умерла от старости. Я уже

подробно объяснила, что в расследовании нет необходимости, и я хочу, чтобы вы поняли...

– Он не из полиции, мисс Лидс, – перебил ее Леон, – он пехотный офицер.

– А какая разница? – с суровым видом спросила она. – Что армия, что полиция – все одно и то же. – Она строго посмотрела на меня. – Вы хорошо поняли, молодой человек? Хватит! Так мэру и передайте. Я владею этим домом, и у меня еще девять других домов в этом квартале, я плачу налоги, так что перестаньте меня донимать. Моя мать тысячу раз и мэру писала, и в газеты писала – все объясняла, что им нужно сделать. Ястребам в городе не место. И что же они предприняли, хотелось бы мне у вас узнать? Ну, что же вы молчите?

По большому счету мне следовало ей улыбнуться, но у меня не получилось, поэтому я просто посмотрел ей прямо в глаза и произнес:

– Мисс Лидс, вы желаете фактов? Так вот вам три факта. Во-первых, я никогда раньше не слышал о ястребах. Во-вторых, я никогда раньше не слышал о вашей матери. В-третьих, я пришел сюда, чтобы повидаться с Энн Амори, а по словам Леона, она на крыше. – Я встал. – Если наверху мне попадутся ястребы, я поймаю их живьем и сверну им шею. И я непременно передам мэру ваши слова.

Я вышел в холл и направился по нему к лестнице.

Глава 5

Каждый из двух холлов – этажом и двумя этажами выше – освещало по одинокой лампочке без абажура, которые торчали прямо из патронов, вделанных в стену. Когда же я открыл дверь на лестницу, ведущую на крышу, переступил порог и затворил ее за собой, то оказался в крошечной тьме. Осторожно нащупывая каждую из деревянных ступенек, я поднялся наверх, нащарил задвижку на двери, распахнул ее и оказался на крыше. Я заморгал: ветер тут же швырнул мне в лицо целую пригоршню снежинок. Осмотревшись и не обнаружив никого хотя бы отдаленно похожего на Энн Амори, я двинулся налево по направлению к строению, напоминавшему пентхаус. Из затворенных ставнями окон лился свет. Подойдя поближе, я разглядел на строении надпись:

ГОЛУБЯТНЯ
РОЯ ДУГЛАСА
ПОЧТОВЫЕ ГОЛУБИ
НЕ ВХОДИТЬ!

Поскольку надпись гласила «Не входить!», моим первым порывом было немедленно нарушить запрет, однако я сдержал себя и постучал. Изнутри донесся мужской голос, поинтересовавшийся, кто именно пришел, и в ответ я крикнул, что мне хотелось бы повидать мисс Амори. Дверь тут же рас-

пахнулась настезь.

Похоже, дом, где я очутился, населяли жильцы, которые чрезвычайно поспешно делали выводы, не удосуживаясь предоставить собеседнику хотя бы малейший шанс раскрыть рот. Молодой человек, пропустивший меня в голубятню и прикрывший за мной дверь, не дав мне возможности даже представиться, тут же затараторил, что в ближайшие месяца четыре мне рассчитывать совершенно не на что. Он, мол, готов и даже рад помочь родной стране одержать победу в войне, однако он уже отослал сорок голубей и ему нужно оставить хотя бы некоторое количество птиц на развод. И почему, спрашивается, в армии не понимают таких элементарных вещей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.